

Социально-экономические исследования и политические аспекты развития северного региона (к столетию Республики Коми)

Виталий Николаевич

ЛАЖЕНЦЕВ

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера

ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

Сыктывкар, Российская Федерация

e-mail: vn11940@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2222-5107; ResearcherID: O-6722-2017

Аннотация. Показано становление и развитие социально-экономических исследований на северной периферии. Отражена роль экономической науки и регионального управления в освоении территорий со сложными природными условиями. Во времена капиталистической колонизации, социалистического планового хозяйства, революционного реформирования и формирования рыночных отношений научные рекомендации в части форм организации производства и совершенствования хозяйственного механизма, как правило, не воспринимались властью своевременно и должным образом. Тем не менее все научные концепции и теории, хотя и с опозданием, так или иначе влияют на жизнедеятельность населения дальних регионов, особенно теории первоначального накопления капитала, социалистического накопления, мобилизационной экономики, порайонной организации производительных сил, экономического федерализма, разнообразия форм собственности и смешанной экономики, территориального хозяйствования. Наука формирует теоретический базис для объективно обусловленных социальных преобразований, который служит ориентиром ускоренного развития производительных сил и роста народного благосостояния. Однако политическая деятельность нередко оказывается на совершенно противоположных позициях, предпочитая ломку сложившихся хозяйственных отношений в ущерб общественным интересам. С другой стороны, сама социально-экономическая действительность и различные обстоятельства жизни подсказывают необходимость введения в науку новых теоретических положений, соответствующих цикличности рыночной экономики, разнообразию ее форм и экстремальным политико-экономическим ситуациям. При этом суще-

Для цитирования: Лаженцев В.Н. Социально-экономические исследования и политические аспекты развития северного региона (к столетию Республики Коми) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 67–82. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.4

For citation: Lazhentshev V.N. Socio-economic studies and political aspects of developing the northern region (to the centenary of the Komi republic). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 67–82. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.4

ственное значение приобретает опыт формирования хозяйственных отношений в регионах, который рекомендовано учитывать в проблематике исследований национальной и мировой экономики.

Ключевые слова: экономическая мысль, революционное реформирование, эволюционные предпочтения, формирование экономических теорий, практика государственного управления, северная периферия, Республика Коми.

Введение

Статья подготовлена в связи со столетием Республики Коми и посвящена экономическим учениям и политическим доктринам, повлиявшим на развитие республики в составе Российского государства. Автор попытался ответить на вопрос, в какой мере известные экономические теории и политика российских правительств оказывали влияние на жизнь и хозяйство северной периферии в периоды радикальных преобразований и эволюционного развития. Исторический подход к поиску ответа на данный вопрос позволил увидеть в прошлом некоторые аналоги с настоящим временем и тем самым актуализировать проблематику политических и экономических отношений по линии «центр – регион».

Цель исследования – показать необходимость специальной аналитической работы по поводу соответствия (или несоответствия) между практикой экономических преобразований и теориями общественного развития.

При написании статьи, кроме литературных источников, использовались годовые отчеты Российской академии наук и Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Научное обоснование развития экономики России: дореволюционный опыт и революционная альтернатива

Дореволюционный опыт

Передовая русская экономическая мысль конца XIX – начала XX века была сосредоточена в основном на теории социального реформирования, проблемах преобразования сельского хозяйства и развития промышленности с обоснованием возможности выхода России на передовые рубежи мировой экономики. Реализация идей, сочетающих общественное, аграрное и индустриальное развитие, считалась возможной при различных вариантах политико-экономических преобразований: 1) без изменения основ реформируемого строя; 2) с по-

степенным изменением основ; 3) с быстрым их преобразованием революционным путем. Многие российские авторы социальных и экономических теорий исходили из учения К. Маркса, а некоторые соглашались с ним в части, касающейся объективных закономерностей смены капиталистического общества социалистическим [1]. Известные же в мировом научном сообществе экономисты-исследователи придерживались позиции, кратко сформулированной П.Б. Струве: «Чтобы выйти из нашего экономического убожества ... Россия из бедной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической же страной» [2, с. 250]. Из практиков-экономистов, обладающих научным мышлением, такие взгляды разделяли Н.К. Бунге, С.Ю. Витте и П.А. Столыпин.

Идеи социальных перемен в аграрной области нашли более полное отражение в трудах А.В. Чаянова, полагавшего, что крестьянское трудовое хозяйство может стать устойчивым и многократно усилиться благодаря кооперации по ряду видов экономической деятельности (приобретение технических средств, сбыт продукции, агрономические и ветеринарные услуги, содержание общинных угодий и средств производства коллективного пользования и др.). Мелиорационные и землеустроительные мероприятия, организация социальных фондов – функции государства. Земля, по мнению А.В. Чаянова, должна быть национализирована и передана в пользование крестьянским хозяйствам и сельским общинам на условии прогрессивного налогообложения [3].

В качестве предмета многих исследований выступало промышленное и транспортное развитие, но в первую очередь следует отметить заслуги Д.И. Менделеева. Он внес существенный вклад в научное обоснование развития и размещения производительных сил, включая такие отрасли народного хозяйства, как нефтяная, каменноугольная, железорудная, аргументи-

ровал идею газификации углей, предложил постройку Волго-Донского канала, установил торгово-промышленное значение северо-восточной границы Азии и Европы, рекомендовал осваивать Северный морской путь и Арктику, орошать земли Нижнего Поволжья, развивать речное судоходство и железнодорожный транспорт, обосновал условия таможенного тарифа и защиты русской промышленности, ставил вопрос о том, чтобы догнать и даже перегнать развитые капиталистические страны [4].

Сельское хозяйство во взаимосвязи с промышленностью по состоянию второй половины XIX века основательно изучил В.И. Ленин. Он убедительно показал ошибочность взглядов экономистов-народников на ограниченные возможности российского промышленного капитализма и преимущества сельско-общинного строя экономики. На основе научного анализа земской статистики, фабрично-заводских переписей и многочисленных литературных источников доказал, что в России наблюдаются общественное разделение труда, рост товарного производства, социальное расслоение крестьянства и формирование рабочего класса, специализация регионов и межрегиональный обмен, т. е. процессы, вполне достаточные для развития внутреннего рынка с расширенным общественным воспроизводством. В.И. Ленин, в частности, говорил о том, что экономико-географическое районирование и одновременное углубление статистических методов анализа массовых социально-экономических процессов есть правильный путь выявления устойчивых тенденций в развитии капиталистических отношений в России [5].

Во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.) в 1915 году при Российской академии наук (РАН) была сформирована Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) под председательством академика В.И. Вернадского. В обоснование ее создания легли достижения в области не только естественных, но и общественных наук, а также результаты комплексных географо-статистических характеристик России, выполненных под руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского. Комиссия объединяла усилия работников науки многих специальностей, с тем чтобы оценить природно-ресурсный потенциал страны, разработать мероприятия с участием РАН в хо-

зяйственном и культурном строительстве. Была сформулирована концепция размещения научно-исследовательских институтов в регионах России.

Современные аналитики русской экономической мысли отмечают некоторые общие черты ее наиболее ярких представителей: этически-моральные начала научного объяснения хозяйственной деятельности, патриотизм и желание оказать помощь Отечеству, использование западных учений, существенно трансформированных с учетом российской специфики [6].

Революционная альтернатива

Первая мировая война и ее разорительные последствия усилили позиции радикального крыла социалистов, что нашло отражение в работе В.И. Ленина «Государство и революция» (трактовка государства как диктатуры: либо буржуазной, либо рабочего класса) [7]. Ведущие политические партии (социал-демократы, социалисты-революционеры, конституционные демократы и др.) проигнорировали тезис Г.В. Плеханова о том, что Россия не готова к радикальным политическим преобразованиям, а потому призывы к социалистической революции означают разрыв с марксизмом, переход на позиции анархистов, непонимание реальных условий экономического развития страны [8].

У советского правительства в 1917–1924 гг. обнаруживается удивительное раздвоение при оценке и использовании достижений русской экономической мысли. Один вектор понимания прогрессивного движения России, действительно, был связан с идеями научного социализма и выражен в совершенно приемлемых для большей части населения политических актах (декрет о мире, декрет о земле; декрет об учреждении государственной комиссии по просвещению; декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах; основной закон о социализации земли; декларация прав народов России, декларация трудящегося и эксплуатируемого народа и т. п.), другой отражал исключительно идеи государственной диктатуры и «военного коммунизма», якобы не противоречащие демократии (декрет о роспуске Учредительного собрания; ряд документов об установлении государственной монополии в сфере политики и социальной деятельности; декрет о революционных трибуналах и т. п.).

Та часть программных документов по строительству социализма, которая касалась производительных сил, в основном соответствовала историческому ходу научно-технического прогресса. Предполагалось использовать преимущества обобществленной крупной промышленности, транспортной и энергетической систем в деле формирования эффективных производственных комплексов. В.И. Ленин в «Наброске плана научно-технических работ» (апрель 1918 г.) рекомендовал Высшему совету народного хозяйства дать поручение Академии наук, начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил России, образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема страны. В этот план, по мнению В.И. Ленина, должны входить «рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта; рациональное, с точки зрения новейшей наиболее крупной промышленности и особенно трестов, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях; наибольшее обеспечение теперешней Российской Советской республике (без Украины и без занятых немцами областей) возможности самостоятельно снабдить себя всеми главнейшими видами сырья и промышленности» [9, с. 228].

Особое внимание обращалось на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества в земледелии, на использование не первоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего, на применение водных сил и ветряных двигателей в земледелии.

Перечисленные задания в области научно-технических работ были конкретизированы в Государственном плане электрификации России (Плане ГОЭЛРО — 1920 г.). Принятый в нем порайонный принцип организации народного хозяйства в виде производственных комплексов, формирующихся вокруг крупных государственных электрических станций, лег в

основу новой (конструктивной) экономической географии России как в ее теоретической части, так и с точки зрения практического размещения промышленности. Комиссия ГОЭЛРО подготовила базу для создания государственного органа по систематическому перспективному планированию. В феврале 1921 г. была организована Государственная плановая комиссия (Госплан).

Н.Д. Кондратьев положил начало теории прогнозирования общественного развития с научным обоснованием его генеральных ориентиров. Он провел статистическое исследование больших (длительных) циклов и показал взаимосвязь экономических колебаний различной продолжительности, связанных с обновлением долговременных элементов основного капитала (производственных сооружений, транспортной, энергетической и другой инфраструктуры), с крупными изменениями в технической базе, созданием новых источников энергии, новых видов сырья, с разработкой принципиально новых технологий [10]. Были и другие научные достижения, соответствующие идеям плановой организации хозяйственной деятельности (методика экономической и социальной статистики, составление продуктовых и межотраслевых балансов, математическое моделирование состояния и перспектив развития национальной экономики и др.).

Второй вектор управления экономикой советской России можно обозначить как «круто политизированный». Он формировался по принципу «цель оправдывает средства». При этом целеполагание было преимущественно политическим: удержание и укрепление власти большевиков, создание трудовых коммун как производственных и общественных организаций, симуляция обострения классовой борьбы, уничтожение всего, что порождает капиталистические отношения. Может показаться, что это обусловлено исключительно противостоянием белого и красного террора, Гражданской войной, голодом и слабостью демократического государства в решении проблем военной экономики. Но на самом деле, как бы в обход ранее созданных теорий социальных преобразований, целенаправленно начала выстраиваться модель вертикали авторитарной власти, соответствующая «азиатскому способу производства». Некоторые зарубежные и отечественные

аналитики обозначили ее как восточный деспотизм, которому свойственны отсутствие частной собственности, отмена рыночной конкуренции, абсолютная власть государственной бюрократии [11; 12].

Нельзя отрицать влияния чрезвычайных обстоятельств на выбор советским правительством явно не демократического управления. Однако именно принципы «военного коммунизма» соответствовали представлениям верховного руководства России о социалистическом обществе (отсутствие частной собственности на средства производства, ликвидация товарно-денежных отношений, уравнилельное распределение материальных благ). Кстати, В.И. Ленин народное хозяйство страны стал трактовать в виде единой фабрики, а отдельные районы — как ее цехи, причем это еще не крайний случай экономической мысли о социалистическом строительстве. Идеи и принципы «военного коммунизма» определяли суть генеральной линии партии; новая экономическая политика (НЭП) была лишь временным отступлением от нее (просуществовала в СССР с 1921 по 1929 год).

Сложилась ситуация, когда политика определяла содержание экономической науки. Если кто-то не оправдывал выбранный курс строительства «социализма» и показывал реальную картину общественной жизни, выявлял процессы, не соответствующие политическим директивам, то он подвергал свою жизнь смертельной опасности. Так, А.В. Чаянов в 1937 г. и Н.Д. Кондратьев в 1938 г. были расстреляны. Первый — за уважительное отношение к крестьянству, его свободе, в том числе в выборе форм сельской кооперации; второй — не за теорию больших циклов как прогрессивную технологическую последовательность, а за их социальную интерпретацию, не совпадающую с «теорией» перехода от социализма к коммунизму.

Совместить два указанных вектора строительства социалистической экономики с помощью науки невозможно, поэтому политические и социальные аспекты коллективизации, индустриализации, культурной революции, продвижения производительных сил на Восток и Север за рамками официальных трактовок не рассматривались.

Проекция русской экономической мысли и революционных доктрин на северную периферию

В.И. Ленин в работе «О продовольственном налоге...» (апрель 1921 г.) писал: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка — вернее: десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железных дорог, то есть от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом. Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?» [13, с. 228].

Мы привели данную цитату с тем, чтобы сначала частично с ней не согласиться. Что касается экономической отсталости, то действительность именно такова, как она отражена В.И. Лениным. Но «дикость и полудикость» — характеристика самих людей, живущих на окраинах Российской империи, и данная характеристика не соответствовала действительности. Например, коми и поморы по уровню грамотности превосходили средние по стране показатели; они не уступали и в уровне организованности крестьянских хозяйств и отхожих промыслов¹. Поморы дали стране М.В. Ломоносова, а Коми — П.А. Сорокина.

Образованные люди в Коми знали о социально-экономической науке и ее достижениях. Это знание формировалось во время обучения в Москве, Петрограде и других городах центральной России, в ходе общения со ссыльными революционерами. Экономическая наука проникала в Коми вместе с организаторами экспедиций по сбору статистических и других сведений с целью оценить возможности колонизации новых земель и подключить природные ресурсы к национальной экономике.

¹ Отхожий промысел — временная, чаще всего сезонная работа крестьян в Российской империи вне места постоянного жительства. Людей, уходивших на заработки, называли «отходниками». Таким промыслом среди коми-женщин было швейное дело.

Так, за период 1901–1914 гг. было организовано 11 государственных экспедиций. В некоторых из них активно участвовали коми общественные деятели В.Ф. Попов и К.Ф. Жаков, которые к тому же организовали научные стационарные статистические наблюдения. Они весьма грамотно подошли к оценке политики П.А. Столыпина на переселение (колонизацию) крестьян центральной России в Сибирь и на Север. «К.Ф. Жаков пришел к выводу о невозможности широкой колонизации Коми края, так как это приведет к истреблению лесов, исчезновению рыбы, зверей, дичи, общему упадку края, а свободных для колонизации земель он не видел. К.Ф. Жаков и В.Ф. Попов выступили против выделения угодий для переселенцев, отстаивали целесообразность проведения землеустройства местного старожильского населения, выделения им бесплатно пахотной земли и других угодий» [14, с. 164].

Местные ячейки социал-демократов, эсеров, кадетов подкрепляли пропаганду своих политических убеждений определенными социальными трудами и установками политических лидеров. Однако после революции 1917 года такое разнообразие было заменено политической монополией партии большевиков и соответствующими ее идеям формами организации советской власти.

Цитату о захолустных просторах мы привели еще и потому, чтобы напомнить читателю ленинскую оценку экономических укладов России начала XX века. В.И. Ленин в 1921 г. писал: «...каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса. Перечислим эти элементы: 1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб); 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм» [13, с. 207].

В отдельных регионах России перечисленные элементы были представлены по-разному. На Севере преобладало натуральное и мелкотоварное крестьянское хозяйство, местами — частнохозяйственный капитализм, а потому социальные преобразования должны были бы

опираться прежде всего на теорию А.В. Чаянова и некоторых других экономистов-аграрников, включая и В.И. Ленина (если иметь в виду вышеупомянутые его работы «Развитие капитализма в России» и «О продовольственном налоге»). Идеи сплошной коллективизации здесь не соответствовали реальному положению дел в аграрной сфере². Природа крестьянского трудового хозяйства и семейно-трудовая теория были исключены из поля зрения советского правительства как возможный социально справедливый и экономически эффективный источник социалистического накопления.

Хозяйство Коми автономной области в составе Российской Федерации, а затем и СССР, в 1920–1930-х гг. рассматривалось в рамках теоретического представления о первоначальном социалистическом накоплении, сначала за счет доходов от внешнеторговой деятельности, а затем — путем неэквивалентного включения природных ресурсов окраинных территорий в обрабатывающую промышленность страны. Европейский Север стал золотовалютным цехом, поставляя через Архангельский порт круглый лес за границу. Правительство России получало за это золото и иностранную валюту. В Плане ГОЭЛРО Европейский Север рассматривался в качестве резерва, потенциальные возможности которого предстояло основательно изучить. Одним из наиболее ярких примеров научно-организационной работы по комплексному изучению северных территорий является экспедиция в Коми область под руководством академика А.П. Карпинского, президента АН СССР («Печорская бригада», 1933 г.).

² Уникальный исторический материал по «раскулачиванию» представлен в приложении к газете «Республика» (Коми) «Дым Отечества» за 26 января 2013 г. Это акт описи имущества Маркова Андрея Евсеевича, составленный 22 февраля 1930 г. (деревня Чернутаево Удорского района Коми области). В описи 191 наименование имущества на общую сумму 2880 руб. 20 копеек. Земля в описи не указана. На современные цены (без земли) — это примерно 2 млн рублей. М.А. Евсеев считался рядовым крестьянином. Автор комментария к описи Анна Сивкова пишет: «Ко многим умозаключениям, выводам подводит этот документ. Пожалуй, один из самых важных из них: крестьянский труд в личных хозяйствах до революции даже на севере обеспечивал достаток. Эта нелепость сельского бытия и была подорвана разграблением хозяйств таких домохозяев и рабочих, как Андрей Евсеевич Марков из удорского села Чернутаево».

В настоящее время имеется полный обзор итогов работы «Печорской бригады», позволяющий понять объем, характер и результаты ее деятельности. Имеется в виду монография М.П. Рощевского, Л.П. Рощевской и А.А. Бровиной, которая не только представляет историческую ценность для самой науки и Российской академии наук (отмечающей в 2024 г. 300-летие), но и является источником для понимания взаимной связи между социально-экономическими теориями и политической практикой [15]. В данном произведении четко прослеживается затронутая нами тема двойного вектора социальных преобразований в России (СССР) в первой половине XX века: научно обоснованное развитие и размещение производительных сил и лишенное какой-либо научной основы (кроме теории «азиатского способа производства») формирование социального строя с элементами политического угнетения.

С одной стороны, природно-ресурсный потенциал Ухто-Печерского края исследовался по всем правилам науки, присутствовало стремление найти экономически и социально приемлемый путь его использования на благо народа; с другой — даже сами условия, в которых работала бригада, не говоря уже о практическом опыте освоения минеральных ресурсов, который она изучала в Чибью, Водном промысле, Яреге, Воркуте и других местах, характеризуются в ее отчетных документах словами ОГПУ, ГУЛАГ, политзаключенные, спецпереселенцы, бараки, надзор и т. д.

Научная ориентация Севера на выборочное освоение ресурсов (строительство только тех предприятий, которые вызваны народнохозяйственной необходимостью и не могут быть построены в других районах; создание очаговой северной индустрии с высокой механизацией и сокращением затрат живого труда) на практике не использовалась именно из-за наличия дешевого подневольного труда.

Научное сопровождение административно-плановой экономики

Мобилизационная экономика

Книга председателя Госплана СССР (1938–1949 гг.) академика Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» [16] отражает величайший подвиг со-

ветских людей в победе над фашизмом, прежде всего за счет мобилизации высоких человеческих качеств и готовности к жертвам ради спасения Родины, родных и близких. Трудно судить, сформировалась ли такого рода человеческая натура вопреки экономическому диктату «военного коммунизма», но, безусловно, важную роль сыграла историческая память об истоках Отечества и примерах героической его защиты.

Обратим внимание, что в указанной книге речь идет об экономике в период войны. При этом Н.А. Вознесенский полагал, что военная экономика может присутствовать и в мирное время, когда задачи создания оборонного комплекса и других условий национальной безопасности становятся первостепенными. Примечательно, что военная экономика выстраивалась по определенным правилам расширенного общественного воспроизводства с использованием балансов народного хозяйства и, что особо важно для экономической географии, именно она реализовала политическую доктрину значительного и в короткие сроки сдвига производительных сил на Восток.

В итоге можно сказать, что военная экономика укрепила свойственное всему советскому периоду мобилизационное мышление с политической и патриотической окраской преодоления трудностей, неизбежности долготерпения, оголения сельской местности центральной России, а главное, убеждение в том, что такой способ организации экономики и «артельно-барачного» уклада жизни отражает преимущество социализма над капитализмом.

С научной точки зрения мобилизационная экономика может трактоваться как способ решения сложных народнохозяйственных задач. Она стимулирует разработку методов системного анализа и составление программ повышенной сложности. Примером тому служит работа академических комиссий по мобилизации ресурсов на нужды обороны [17]. Особо отметим деятельность комиссии по Уралу, Западной Сибири и Казахстану. Программы и проекты комиссии, согласованные между собой по срокам исполнения, материально-техническому и финансовому обеспечению, реализовывались по правилам научно обоснов-

ванного программного управления³. К такому высокому уровню разработки и реализации народнохозяйственных программ в мирное время приблизилась, пожалуй, лишь программа освоения нефти и газа в Западной Сибири.

Экономическая наука и социалистическое планирование

Самое общее понимание планирования — выбор цели и методов ее достижения. Исходя из многочисленных научных трудов по экономическому планированию и личного опыта разработки концепций территориального планирования отметим, что этот вид деятельности имманентно присущ человеку и социальным системам; он полезен не столько предсказанием будущего, сколько выстраиванием цепочки логических умозаключений по поводу прогресса и возникающих на его пути проблем.

Первоначально проблема фиксируется в явном виде (например, как лучше раскроить фанеру, чтобы получить нужные заготовки с наименьшими отходами). Затем она усложняется вопросами рационального использования оборудования, рабочего времени, замены одних ресурсов другими. Так возникла теория оптимального планирования применительно к предприятиям и комбинатам [18].

³ «За время работы в Свердловске комиссия достигла выдающихся результатов по многим направлениям деятельности: форсированное развитие нефтяной промышленности Урала и Поволжья, открытие и начало промышленного освоения месторождений бокситов на востоке Урала, новые месторождения железной руды в Кузбассе и молибденовых руд в Казахстане. Если разведанные запасы рудного сырья на 1 января 1941 года принять за 100%, то на 1 января 1945 года они составляли: по железным рудам — 140%, марганцу — 200%, хромитам — 140%, кварцитам — 300%. Электростанции Урала к концу войны давали электроэнергию в полтора раза больше, чем до войны. Среди других достижений ученых, работавших в составе комиссии: освоение металлургическими предприятиями Магнитогорска и Кузнецка технологии плавки броневой стали в основных мартеновских печах, что дало возможность произвести за 1942–1944 годы дополнительно 350 тыс. тонн броневых сталей; внедрение в производство заменителей кокса, что позволило многократно сократить транспортировку кокса по железным дорогам; новые технологии производства алюминия, кобальта, хрома; новые способы получения качественного моторного топлива из высокосернистых башкирских и уральских нефтей». Источник: Бойцы академического фронта. Как советская наука перешла на военные рельсы. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4566203> (дата обращения 27.03.2021).

Содержание же государственного планирования зависит от понимания сути самого государства, его общественных функций. Теоретики социалистического планирования исходили из сложившегося в СССР стереотипа государства как всеобъемлющего органа общественного управления (управления не делами общего предназначения, а обществом в целом) [19]. Если, например, в США и западных странах экономическая наука разработку межотраслевых балансов трактовала как метод уяснения производственных и финансовых пропорций, для того чтобы правильно определить вектор развития экономики, то в СССР, где данное направление научных исследований достигло мирового уровня, межотраслевой баланс с практической точки зрения рассматривался как сам план или, во всяком случае, в виде его каркаса.

Политико-экономическая трактовка планирования подчеркивала преимущества социализма: отсутствие экономических кризисов, расточительной конкуренции, противоречий между общественным характером производства и частным способом присвоения. Но вместе с тем начиная с 1970-х гг. стали все более заметными признаки отставания СССР от развитых стран по уровню производительности труда и качеству жизни населения. Те экономисты-исследователи, которые были ориентированы не на оправдательную политическую экономию, а на поиск путей обновления хозяйственного механизма, пришли к выводу о возрастающем значении экономической самостоятельности предприятий и регионов, хозяйственного расчета, экономического стимулирования труда [20–24].

Интересен тот факт, что первыми об этом начали писать авторы экономико-математического направления, которые знали о возможностях вычислительной техники рассчитать плановые задания «от самолета до гвоздя», но тем не менее констатировали, что социалистическая экономика должна функционировать на основе товарно-денежных отношений. Такая позиция в какой-то мере соответствовала настроенности на реформы председателя правительства СССР А.Н. Косыгина.

Взгляды многих географов-экономистов стали смещаться от жестко заданных планами

ресурсных и энерго-технологических факторов размещения производства в сторону анализа относительно свободных (вариантных) условий формирования территориальных общественных систем [25–27]. Актуализация социальных, культурных и этнических аспектов жизнедеятельности усилила естественно-исторический подход к объяснению процессов расселения населения в противовес политике его волевого переселения. Это смещение обусловлено и тем, что экономико-географическое подкрепление «территориального разреза» социалистического планирования не находило должного отклика в управленческих структурах или исполнялось в утрированной форме, как это произошло с организацией совнархозов или разделением территорий на зоны деятельности промышленных и сельскохозяйственных обкомов КПСС.

Надежда на правильное понимание роли социально-экономической географии в планировании и управлении промелькнула с включением в материалы партийных съездов информации о территориально-производственных комплексах (ТПК). Однако радость оказалась преждевременной: 12–15 выбранных ТПК не соответствовали указанным принципам и учению; они в большей мере воплощали смысл мобилизационной экономики, когда потребовались новые точки роста для спасения затухающей индустрии. Ситуацию выправила теория программно-целевых ТПК, показавшая способы реализации крупных инвестиционных проектов в увязке с природными и социальными условиями районов сосредоточенного строительства [28].

Научное сопровождение административно-плановой экономики в Республике Коми

С начала 1950-х гг. трансляция советской научно-экономической мысли в Республику Коми стала осуществляться через Коми филиал АН СССР в Сыктывкаре, имеющий в своем составе и отдел экономики. Затем такого рода трансляция дополнилась углубленными исследованиями экономической эффективности хозяйственных мероприятий. При этом стала критически рассматриваться практика северной социально-экономической политики.

Экономическое мышление, совмещенное с географическим и экологическим, «подска-

зывало» ориентировку на ограниченные возможности освоения природных ресурсов вопреки политическим требованиям роста производства любой ценой; на возможность формирования территориально-производственных комплексов на Севере и в Арктике, но только в качестве локальных систем с развитым межрегиональным товарным обменом. Тимано-Печорский ТПК, создаваемый по логике министерского самообеспечения, стал в итоге лишь дополнительной строкой пятилетних планов, потеряв сущность территориального комплексирования. Экономисты и географы обратили внимание политического руководства страны на то, что продвижение промышленности в северные широты требует специальной научно-технической подготовки и опережающего развития производственной и социальной инфраструктуры, иначе опять возникает жертвенная экономика со значительным использованием подневольного труда [29; 30].

Экономическая оценка северных условий в обосновании пятилетних планов проводилась с большими погрешностями. Так, сметная стоимость строящихся в республике объектов, по сравнению с аналогичными в Московской области, нормативно увеличивалась в 1,34 раза. Экспертная же оценка с научно обоснованным подходом к анализу природных и экономико-географических условий показала, что такое удорожание составляет по отдельным территориям республики от 1,43 до 2,25 раза [31]. На практике это несоответствие проявлялось в дефиците финансовых ресурсов к концу пятилетки и наличию больших объемов незавершенного строительства.

Однако парадокс заключался в том, что именно несоблюдение сбалансированности в рамках общего планирования национальной экономики в 1960–1980 гг. привело к небывалому ранее росту экономики Республики Коми. Правда, экономическая оценка истощения природно-ресурсного капитала в то время еще не давалась, а такие статистические показатели, как совокупный общественный продукт, валовой национальный доход, номинальная величина денежных доходов и др., не отражали реалии регионального развития.

Экономическая наука и революционное реформирование

На подходе к реформам

В конце 1980-х гг. в экономической науке России произошли значительные изменения, которые оцениваются как революционные [32]. Действительно, в то время экономическая наука заложила теоретические основы новых отношений по поводу собственности, институционализма, системы оптимального функционирования экономики, структурных пропорций общественного воспроизводства, экономической мотивации производительного труда, социальных приоритетов в системе планирования.

Если перефразировать приведенное ранее высказывание П.Б. Струве, то можно образно сформулировать основное кредо российской экономической мысли конца 1980-х гг.: «Чтобы выйти из нашего экономического убожества ... Россия из бедной социалистической страны должна стать богатой социалистической же страной».

Вместе с тем указанные достижения экономической науки России следовало бы дополнить исследованиями по теории и методологии реформирования как специфического управленческого процесса. Но такие исследования не были организованы должным образом. Съезд народных депутатов СССР, как высший орган государственной власти (1989–1991 гг.), не получил от общественных наук знание о порядке проведения реформ. Трудно сказать, помогло бы оно поступательному развитию экономики нашей страны или нет, поскольку последовавшее ее реформирование не нуждалось в научных знаниях.

Революционное реформирование

Термин «реформы» в экономическую науку ввели В.Н. Лексин и Н.А. Швецов; они же пришли к выводу о том, что проводимые в РФ в 1990-х гг. преобразования экономики с научной точки зрения реформами не являются [33]. Если экономические преобразования, предполагавшие хозрасчетное планирование, государственный заказ, экономические нормативы, прямые хозяйственные связи и оптовую торговлю, цены равновесия, хозрасчетно-гарантированную систему распределения фонда оплаты труда, программное и нормативное

финансирование, хозрасчетную кредитную систему, договорную структуру управления, были обозначены Е.Г. Ясиным как «радикальное реформирование» [34], то «шоковую терапию» с одномоментным введением свободных цен, вucherной и залоговой приватизацией, обесценением банковских вкладов населения, легальной спекуляцией на валютном рынке, бартером, экономическим бандитизмом «под крышей государства», запредельным социальным расслоением граждан и т. п. трудно определить каким-либо научным термином. Призывы академической науки к нравственной экономике власть и бизнес игнорировали. Само государство было воинственно настроено на полное уничтожение всего социалистического, и это даже западными авторами трактуется как крушение идей реформаторов [35].

Республика Коми: реакция сдерживания революционного реформирования

Экономическое поведение региональных правительств в 1992–2000 гг. мы оцениваем как период формирования на местах контрмер, противостоящих действиям Центра в части революционного реформирования политико-экономической системы России. Многие региональные руководители, в отличие от федеральных, больше склонялись к последовательным и постепенным преобразованиям. В рамках региональной экономики и социально-экономической географии такая позиция подкреплялась научным анализом проблем формирования региональной собственности, системы территориального хозяйствования и географической экспертизы управленческих решений [36]. На материалах длительного наблюдения за домашними хозяйствами Республики Коми была показана реакция простых людей на проводимые в стране «реформы»: переход к мелкотоварному производству, социальная замкнутость, психология выживания и утрата надежды выбраться из бедности [37].

Принятые в 1990-е гг. законы Республики Коми, защищающие интересы населения и ориентированные на рациональное использование природных ресурсов, не имели механизма использования; в этом отношении более результативными оказались программы территориального и межотраслевого развития. Ключевой стала Программа социально-эконо-

мического развития Республики Коми со своей администрацией в качестве особого органа управления. Но реализация программ наряду с положительным эффектом обострила проблему пространственного разрыва между созданным и потребленным прибавочным продуктом, поскольку управление программами было в основном экстерриториальным, а нормы и правила классического экономического федерализма в региональной политике РФ не применялись. Не имели конструктивной формы реализации и конституционные нормы о местном самоуправлении в части самостоятельного решения ряда задач, связанных с жизнеобеспечением населения. Все это подвергалось научной критике, но без позитивного ответа со стороны государственного управления. Региональные и местные структуры власти вынуждены были работать в режиме «ручного управления».

Экономическая наука и эволюционное развитие

Эволюционное мышление

С 2000 года обозначился переход от революционного реформирования к политике эволюционного развития. Эволюционная ориентация способствовала появлению новой гипотезы интеграционного общества, обозначенной идеями экономической социодинамики, смешанной экономики и социального кластеризма, философии сотрудничества, эволюционной теории в связи с режимами воспроизводства и другими, отражающими мировые тенденции включения в систему государственного и межгосударственного управления факторов устойчивого развития общества.

Эволюционное мышление «рисует» идеальный образ будущего и соответствующие ему методы достижения поставленных целей, но постоянно находится в противоречии с текущими нежелательными обстоятельствами. Экономическая наука и практика государственного управления вынуждены переходить от традиционного анализа и рационального использования факторов развития (наука, техника, труд, территориальное разделение труда, потребности и интересы и др.) на анализ самих обстоятельств (природно-техногенные аварии и катастрофы, эпидемии, рыночные катаклизмы, геополитическая нестабильность, социальная напряженность и т. п.). При таких обстоятельствах не только региональные правительства,

но и федеральное, зачастую используют режим «ручного управления».

Складывается ситуация, когда именно «обстоятельства образа действия» становятся одним из главных предметов социально-экономических исследований. Оказалось также, что эволюционную экономику трудно совместить с ранее сформированной и по сути неизменной политико-экономической базой, при которой «...ориентация денежных властей на обслуживание интересов валютно-финансовых спекулянтов и офшорную олигархию ежедневно усиливает противоречия между властвующей элитой и народом, доводя их до состояния антагонистических» [38, с. 24].

Различия между макро-, мезо- и микроэкономикой

Автор полагает, что представление о роли региональной экономики как науки в системе государственного и муниципального управления будет более правильным, если ее предметом считать организацию территориального хозяйствования, то есть деятельность по поводу формирования и рационального использования муниципальной и субфедеральной собственности, а также межхозяйственной и межрегиональной кооперации [39]. К теме нашей статьи это уточнение имеет отношение, поскольку подчеркивает принадлежность других социально-экономических наук к формированию региональной политики. Более того, региональная экономика не является связующим звеном между предприятиями (фирмами) и национальной экономикой. Изучение регионов и других территориально-хозяйственных систем изначально происходит на междисциплинарной основе. Перевод макроэкономических показателей на уровень региона остается прерогативой самой макроэкономике. Немаловажно и то, что некоторые процессы, которые изучают макроэкономика и экономика фирм, не улавливаются на региональном уровне. Данное обстоятельство необходимо иметь в виду, когда от лица региональной экономики даются научные рекомендации государственному и муниципальному управлению.

Наука и ее заинтересованность в крепкой региональной власти

С надеждой на политическую стабильность, с учетом понимания возрастающей роли субъектов РФ в управлении государством в 2000

году образована Комиссия по изучению естественных производительных сил Республики Коми под председательством академика Н.П. Юшкина. Основная ее задача заключалась в определении научно-технических и социально-экономических проблем, генеральных направлений развития и размещения производительных сил на длительную перспективу, комплексного использования минеральных, топливно-энергетических, водных, лесных и других ресурсов с учетом экологического фактора в Республике Коми и смежных регионах. Невольно возникали аналогии с общероссийской КЕПС 1915 г. и заимствованием форм ее деятельности. Опубликованные труды и научно-аналитические материалы КЕПС РК существенно повысили значение социально-экономических исследований в принятии конкретных решений правительства республики. Возник некий элемент, укрепляющий его самостоятельность, что и было замечено федеральной властью. В конце 2004 года комиссия де-юре перестала существовать.

Пример с КЕПС РК — лишь частный случай общей противоречивой ситуации в отношениях между Центром и регионами. Обратим внимание на возможность появления нового аспекта в толковании данных противоречий. При сложившихся обстоятельствах в области экономического федерализма все существенные, и даже малосущественные, вопросы региональные правительства решают в Москве, в связи с чем социально-экономические исследования в регионах также стали проводиться с московской ориентацией: если научный результат будет воспринят центральными структурами государственного управления, то повышается вероятность его практического применения на местах. Конечно, научное пространство формируется поверх административно-территориальных границ, поэтому процедура внедрения результатов НИР не обязательно должна проходить на принципах «челночной дипломатии» между Центром и регионами.

Вместе с тем, обязательной является процедура «совместного ведения» в части решения наиболее актуальных проблем трансформации территориально-хозяйственных систем, вызванной экстремальными и сложными условиями их дальнейшего функционирования.

В Республике Коми примером тому служит сложившаяся ситуация с арктическими городами Воркутой и Интой, где угольная промышленность теряет свою градообразующую миссию. В определении перспектив их неустойчивого развития может пригодиться логика мобилизационной экономики, когда любые направления по их сохранению целесообразно рассматривать с оглядкой на риски арктической жизнедеятельности. Полагаем, что не исключена ситуация, когда программу переселения из Воркуты и Инты придется выполнять безоговорочно и в режиме эвакуации. Хозяйственные задачи, связанные с национальной безопасностью, освоением крайне необходимых минеральных ресурсов и изучением Арктики, следует решать с применением вахтового метода работы и использованием блок-модулей высокой заводской готовности для возведения уникальных арктических баз.

Перспективы развития территориально-хозяйственных систем таежной части республики обусловлены оптимизацией формирования и воспроизводства их человеческого и природно-ресурсного потенциалов, практическим применением принципов «зеленой экономики», реконструкцией сельского расселения на основе укрепления опорных поселений и передислокации жителей неперспективных деревень, изменением конфигурации землепользования, новой пространственной организацией инфраструктуры и социальных услуг. Решение указанных задач предполагает существенную передислокацию финансовых ресурсов в пользу регионов и муниципальных образований.

Приведенные примеры отражают три аспекта социально-экономических исследований, проводимых в Республике Коми: 1) анализ тенденций на Севере в части народонаселения, природопользования, формирования хозяйственных систем и механизмов регулирования социально-экономических процессов; 2) определение ценности и значения отдельных показателей (характеристик) северных регионов в развитии региональной, национальной и мировой экономики. Оцениваются демографический, природно-ресурсный и экологический потенциалы, этнокультура и традиционное хозяйство, социально-экономическое пространство (периферийное, разреженное, трудно-

преодолимое), климатический дискомфорт и другие природные условия жизнедеятельности; 3) разработка рекомендаций в области стратегического планирования и программирования развития хозяйственных систем на основе северных (арктических) производственных и социальных технологий [40].

Заключение

Замысел автора – показать роль социально-экономических исследований в развитии Республики Коми – по ходу подборки аналитического материала и составления текста статьи был реализован с некоторыми дополнениями при обращении к проблематике «наука и власть». Прежде всего обратим внимание на последствия, возникающие, если теоретические исследования не принимаются во внимание или реализуются в утрированной форме. Так, к 1917 году российская экономическая наука сформировала своего рода теоретический базис для объективно обусловленных социальных преобразований, который служил ориентиром ускоренного развития производительных сил России и роста народного благосостояния. Такой же базис был сформирован и в дореформенный период к 1992 году, когда ключевая идея заключалась в проведении социально-экономических преобразований без революционной перестройки существующего общественно-политического строя. Однако политическая действительность оказалась совершенно противоположной, антинародной. Такая ситуация позволяет дать три рекомендации:

- 1) критика существующего и создание образа будущего должны сопровождаться разработкой соответствующей теории реформирования как управленческого процесса;
- 2) планированию подлежат не только материально-техническая часть производительных сил, но и адекватный социально-экономический механизм их действия, совершенствование социальных отношений в рамках общечеловеческих ценностей и понятий;
- 3) революционное реформирование экономики, связанное с борьбой за политическую власть с помощью «шоковой терапии», лежит за рамками социально-экономических исследований; оно не нуждается в научном обоснова-

нии и лишь прикрывается значимостью выборочно взятых экономических теорий, например регулирующей роли свободного рынка и монетаризма, или проводится с ложной мыслью не придерживаться никакой экономической теории.

Эволюционный путь развития (постепенное и длительное движение к интеграционному обществу социальной справедливости) является более рациональным, но его исполнение сопряжено с разного рода негативными обстоятельствами. Это обуславливает корректировку классической тематики социально-экономических исследований по двум направлениям:

- 1) включение самих обстоятельств в предметное содержание экономики;
- 2) уяснение сущности мобилизационной экономики с учетом того факта, что мобилизационное экономическое мышление возникает и развивается не только в военное, но и в мирное время в силу чрезвычайных обстоятельств или когда политическим руководством страны перед обществом ставятся амбициозные задачи, непосильные для решения в рамках объективно сложившихся пропорций общественного воспроизводства и ограниченных инвестиционных ресурсов.

Обращение социально-экономических наук к региональной тематике обусловлено большим значением конкретики в корректировке всей национальной экономики. Из опыта изучения Республики Коми следует, что:

- 1) включение российской периферии в общую систему хозяйственных и культурных преобразований может быть плодотворным только при условии, если уклад местной жизни становится важнейшим предметом науки и практики управления;
- 2) общая экономическая теория и региональная практика хозяйственной деятельности какое-то время могут развиваться параллельно друг другу. Но наступает момент, когда необходимо осуществить экспертизу научных знаний и практического опыта управления на предмет их соответствия фактическому социально-экономическому положению конкретных регионов. Не исключен вариант существенной перестройки экономического мышления именно под влиянием местной практики.

Литература

1. Русские экономисты (XIX – начало XX века). М.: ИЭ РАН, 1998. 275 с.
2. Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб.: Ленанд, 1894. 304 с.
3. Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство: избранные труды / ред. кол. сер.: Л.И. Абалкин (пред.) и др. М.: Экономика, 1989. 492 с.
4. Менделеев Д.И. Проблемы экономического развития России. М.: Соцэкгиз, 1960. 615 с.
5. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. 792 с.
6. Академики-экономисты России. М.: ИЭ РАН, 1999. 281 с.
7. Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. 486 с.
8. Бейрон С.Г. Плеханов, утопизм и российская революция. URL: http://russiabgu.narod.ru/pages/themes/txt/beiron_plehanov.pdf (дата обращения 27.03.2021).
9. Ленин В.И. набросок плана научно-технических работ // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. С. 228–231.
10. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. 526 с.
11. Wittfogel K.A. *Oriental Despotism: a Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press, 1957. 556 p.
12. Нуреев Р.М. Азиатский способ производства и социализм // Вопросы экономики. 1990. № 3. С. 47–58.
13. Ленин В.И. О продовольственном налоге (значение новой политики и ее условия) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 205–245.
14. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. Т. 1. 560 с.; Т. 2. 704 с.
15. Рощевский М.П., Рощевская Л.П., Бровина А.А. Печорская бригада академика А.П. Карпинского. Сыктывкар, 2015. 646 с. (Коми научный центр Уральского отделения РАН).
16. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 192 с.
17. Александрова Т.Д. Разнообразие работ географов в первые годы Великой Отечественной войны // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 3. С. 100–109.
18. Контарович Л.В. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М.: Изд. АН СССР, 1960. 348 с.
19. Сорокин Г.М. Планирование народного хозяйства СССР. М.: Изд. соц.-эконом. лит., 1961. 458 с.
20. Немчинов В.С. Социалистическое хозяйствование и планирование производства // Коммунист. 1964. № 5. С. 74–87.
21. Федоренко Н.П. О разработке системы оптимального функционирования экономики. М.: Наука, 1968. 243 с.
22. Коссов В., Пугачев В. Многоступенчатая система оптимизационных расчетов перспективных народнохозяйственных планов // Плановое хозяйство. 1974. № 10. С. 12–20.
23. Валовой Д.В. Экономика: взгляды разных лет (становление, развитие и перестройка хозяйственного механизма). М.: Наука, 1989. 454 с.
24. Мау В.А. В поисках плановости: из истории развития советской экономической мысли конца 30-х – начала 60-х гг. М.: Наука, 1990. 160 с.
25. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.
26. Хорев Б.С. Территориальная организация общества (актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР). М.: Мысль, 1981. 320 с.
27. Дмитриевский Ю.Д. Очерки социально-экономической географии. Развитие и проблемы. Л.: Наука, 1990. 163 с.
28. Бандман М.К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. Новосибирск: Наука, 1980. 256 с.
29. Славин С.В. Освоение Севера Советского Союза. М.: Наука, 1982. 207 с.

30. Агранат Г.А. Возможности и реальности освоения Севера: глобальные уроки // Итоги науки и техники. Сер. Теоретические и общие вопросы географии. 1992. № 10. 188 с.
31. Дмитриева Т.Е. Вопросы географической экспертизы нормативной базы хозяйственного освоения территории // Природа и региональная экономика. Сыктывкар, 1985. С. 14–28. (Коми фил. АН СССР).
32. Макашева Н.А. Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х – 1990-е годы): революция и рост научного знания. С. 12–32. URL: ekonomicheskaya-nauka-v-rossii-v-period-transformatsii-konets-1980-h-1990-e-gody-revolyuutsiya-i-rost-nauchnogo-znaniya.pdf (дата обращения 17.03.2021).
33. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Реформационные процессы в жизни общества: условия успешной организации и причины неудач // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1995–1996 / гл. ред. Д.М. Гвишиани. М.: Эдиториал УРСС, 1996. С. 7–40.
34. Ясин Е.Г. Хозяйственные системы и радикальная реформа. М.: Экономика, 1989. 319 с.
35. Zwaynert J. *When Ideas Fall. Economic Thought, the Failure of Transition and the Rise of Institutional Instability in Post-Soviet Russia*. N.Y.; L.: Routledge, 2018. 138 p.
36. Лаженцев В.Н., Дмитриева Т.Е. География и практика территориального хозяйствования. Екатеринбург: Наука, 1993. 137 с.
37. На пути к рыночной экономике: социальная практика регионального развития. Сыктывкар, 2003. 208 с. (Труды Коми научного центра УрО РАН; № 168).
38. Ильин В.А. Эффективность государственного управления: точка зрения главного редактора. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2015. 320 с.
39. Лаженцев В.Н. Хозяйство как объект исследований в системе общественных наук // Журнал экономической теории. 2017. № 3. С. 11–22.
40. Лаженцев В.Н. Направления научных исследований в Институте социально-экономических и энергетических проблем Севера // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2018. № 4. С. 102–110.

Сведения об авторе

Виталий Николаевич Лаженцев — доктор географических наук, член-корреспондент РАН, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: vn1940@gmail.com)

Lazhentsev V.N.

Socio-Economic Studies and Political Aspects of Developing the Northern Region (to the Centenary of the Komi Republic)

Abstract. In this work, we show the formation and development of socio-economic studies in the northern periphery. The authors reflect the role of economic science and regional management in the development of territories with difficult natural conditions. During the time of capitalist colonization, socialist planned economy, revolutionary reform and the formation of market relations, scientific recommendations, regarding the forms of organizing production and improving the economic mechanism by the authorities, as a rule, were not received properly and on time. Nevertheless, as shown in the article, all scientific concepts and theories, despite a delay, somehow influenced (and are influencing) vital activity of the population of distant regions, but especially it influences the theory of initial capital accumulation, socialist accumulation, mobilization economy, regional organization of productive forces, economic federalism, a variety of forms of ownership and mixed economy, territorial management. Science forms the theoretical basis for objectively determined social transformations, which serves as a reference point for the accelerated development of productive forces and the growth of people's well-being. However, political activity often ends up in completely opposite positions, preferring to break existing economic relations

to the detriment of public interests. On the other hand, the very socio-economic reality and various circumstances of life suggest the need to introduce new theoretical propositions into science, corresponding to the cyclical nature of the market economy, the diversity of its forms, and extreme political and economic situations. At the same time, the experience of the formation of economic relations in various regions is gaining significant importance that is recommended to consider in the entire problematics of research of the national and world economy.

Key words: economic thought, revolutionary reform, evolutionary preferences, the formation of economic theories, the practice of public administration, the northern periphery, the Komi Republic.

Information about the Author

Vitalii N. Lazhentsev – Doctor of Sciences (Geography), RAS Corresponding Member, Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North of Komi RC the Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: vnl1940@gmail.com)

Статья поступила 16.04.2021.